

Боковой зал Луань Юэ.

Хэ Чжао сидел на главном месте, выражение его лица было скрыто в темноте, радовался он или гневался было неизвестно. Зато от него исходила сильная аура ярости.

Дворцовые служанки уже помогли вдовствующей императрице привести себя в порядок. Она сидела слева от Хэ Чжао, закрыв глаза, и выглядела совершенно спокойной и расслабленной. Казалось, что события этой ночи не имеют к ней никакого отношения.

Монах, одетый слугой, стоял на коленях в зале, молча склонив голову.

Цяо Хуэй тоже присутствовал. Он понимал, что только что раскрыл себя, и не решался заговорить снова.

Кроме него, в зале находились князь Нин и еще один член клана.

По старшинству этот член клана считался еще одним дядей Хэ Чжао и был самым высокопоставленным представителем императорской семьи.

Некоторое время в зале было так тихо, что можно было услышать, как падает булавка.

Хэ Чжао поднял глаза на вдовствующую императрицу и спросил ее: «Как вдовствующая императрица объясняет то, что произошло сегодня вечером?»

Вдовствующая императрица сложила руки на коленях.

Она оглядела всех присутствующих в зале и спокойно спросила: «Эта битва - испытание для меня?»

Затем ее взгляд вернулся к Хэ Чжао: «Император, как ты же мой сын, ты собираешься тратить свое сыновнее благочестие на допрос матери?»

Хэ Чжао закрыл глаза, сжал виски и ничего не ответил.

Князь Нин огрызнулся: «Невестка, то, что ты сделала сегодня, — это измена по отношению к покойному императору. Вам лучше дать объяснения, чтобы сохранить лицо императорской семьи».

Вдовствующая императрица глубоко вздохнула, а затем медленно выдохнула.

Как раз в тот момент, когда все думали, что она будет отрицать обвинения монаха,

вдовствующая императрица сказала.

«Да, я была неверна. Но покойный император уже скончался, может быть, вы хотите, чтобы я до конца жизни хранила его честь?»

«Это!», - князь Нин потерял дар речи.

Пожилой императорский дядя Хуан заговорил дрожащим голосом: «Традиционно после смерти императора все его супруги и наложницы должны жить во вдовстве до конца своих дней. Когда-то существовала также практика смерти наложниц и супруг вместе с императором, но наша династия Даянь уже достаточно снисходительна к своим супругам».

Вдовствующая императрица поперхнулась: «Императорский дядя, вы были преданы покойному императору, почему вы не выгнали свою жену и наложниц и не оплакивали покойного императора до конца жизни?»

«Кхе-кхе-кхе!», - императорский дядя Хуан подавился, и его лицо мгновенно стало похоже на свиную печень.

Князь Нин поспешно подошел к нему, чтобы помочь выровнять дыхание, и похлопал его по спине.

«Даже если я и совершила измену, вы все равно осмеливаетесь предавать это огласке?»
Вдовствующая императрица насмешливо ответила: «Ты ценишь королевское лицо больше, чем небеса, боюсь, уже слишком поздно прикрывать меня, верно?»

Вдовствующая императрица воспряла духом, она решилась на это, потому что знала, что сородичи ничего не смогут с ней сделать.

«И император». Вдовствующая императрица посмотрела на Хэ Чжао: «Прежде чем восстанавливать лицо перед отцом, посмотри на людей вокруг себя, боюсь, они тоже не так уж невинны?»

Цяо Хуэй пошатнулся и быстро защитился: «Ваше величество, не слушайте ложных обвинений вдовствующей императрицы, она пытается отвлечь внимание от сегодняшнего дня, чтобы избежать наказания».

Глаза Хэ Чжао, словно свет звезды в черном небе, заставили онеметь кожу головы Цяо Хуэя.

Сразу же после этого фраза Хэ Чжао заставила Цяо Хуэя почувствовать себя в чистилище.

Его Величество сказал: «Банкет испорчен, так что давайте уладим все сегодня. Не будем

оставлять грязные дела на следующий год».

Хэ Чжао погладил небрежно сделанный ароматический мешочек, поигрывая верхними завязками. Его выражение лица было неторопливым, как у судьи, неподвижно сидящего в Зале Света и холодно судящего чужаков, не имеющих к нему никакого отношения.

«Вдовствующая императрица, что вы хотите сказать, говорите».

Вдовствующая императрица повернулась к Цюй Цзюй и сказала ей: «Иди и приведи этого человека».

Уже испугавшись, Цюй Цзюй поспешно выбежала.

Через некоторое время в зал вошел человек в парчовых одеждах.

Его лицо было изможденным, а глаза - как мертвая вода.

«Простолюдин Хэ Чень приветствует Его величество, вдовствующую императрицу, князя Нина и князя Чана».

Увидев бывшего наследного принца спустя несколько месяцев, Цяо Хуэй был потрясен тем, как сильно тот изменился.

Некогда гордый сын неба окончательно пал духом.

В глазах Цяо Хуэя сразу же появилось отвращение.

Ранее Хэ Чжао дал ему десять дней, чтобы доказать свою невиновность. Цяо Хуэй, естественно, первым делом подумал о том, что нужно найти старшего принца, чтобы тот сам дал показания.

Но он еще не видел его, и был полон решимости выступить против вдовствующей императрицы.

Поэтому Цяо Хуэй должен был спланировать сегодняшний инцидент, намереваясь достать со дна вдовствующую императрицу, чтобы она рухнула, а потом сказать, что все это ее ложные обвинения.

Когда члены клана увидели Хэ Ченя, они не могли спокойно смотреть на него.

Вдовствующая императрица сказала Хэ Ченю: «Предъяви вещи, которые ты принес».

«Да».

Хэ Чень опустил голову, достал свиток и протянул.

«Это бумаги из моей резиденции, здесь записаны дни, когда мои супруги и наложницы находились со мной, а также время рождения их детей».

Янь Цин взял свиток и передал его Хэ Чжао.

«Ваше величество, пожалуйста, просмотрите данные за май этого года, в том месяце принц Цяо и я четыре раза проживали вместе в одной комнате, и каждый раз запись была сделана так, чтобы совпасть с днем беременности принца Цяо, я надеюсь, что вашему величеству это будет ясно».

Сказав это, Хэ Чень поклонился.

Хэ Чжао пролистал записи за май, они были очень подробными, даже то, когда они ложились спать с выключенным светом, все было ясно.

Цяо Хуэй сердито вскочил и указал на Хэ Чэня, ругаясь: «Глупости! Я не спал с тобой, зачем ты клеветешь на меня!»

Затем он опустился на колени перед Хэ Чжао: «Ваше величество, этот человек, должно быть, получил указания от вдовствующей императрицы, и я никогда не переходил с ним черту. Это вдовствующая императрица хочет, чтобы та девушка Цинсюэ стала императрицей Вашего Величества, поэтому она отчаянно поливает меня грязью, желая погубить!»

Вдовствующая императрица холодно фыркнула: «Вы сами натворили дел, я лишь разоблачаю их, как я могу говорить о клевете? Ты хоть и мужчина, но даже не смеешь признаться в содеянном, смешно!»

Цяо Хуэй обернулся и уставился на вдовствующую императрицу, он был так зол, что уже говорил невпопад: «Вдовствующая императрица, неужели вы хотите, чтобы я раскрыл все тайны, которые вы храните?»

Два человека ссорятся в беспорядке, торжественный зал Луань Юэ стал похож на базар.

«Заткнитесь оба».

Хэ Чжао взмахнул рукой и швырнул в лицо Цяо Хуэя этот свиток.

На лице Цяо Хуэя появилось красное пятно, он оглянулся и в страхе замолчал.

Хэ Чжао продолжал потирать виски, как будто у него болела голова.

Он спросил: «А вы, императорский дядя Хуан, что вы думаете об этом деле?»

Императорский дядя Хуан, который только что чуть не пострадал от гнева вдовствующей императрицы, все еще подкашливал, но как старейшина он не мог смириться с этим.

Поэтому он высказался довольно сурово: «Вдовствующая императрица неверна покойному императору и совершила преступление! Она должна быть низведена до статуса простолюдинки, удалена из родословной и заключена в тюрьму на всю жизнь!»

Князь Нин все еще сохранял рассудок и понимал, что если они так поступят, то семья Чжэн непременно поднимет шум.

Он сказал: «Благочестие как никогда велико, и это вопрос императорской чести, Ваше Величество не должно заходить слишком далеко со вдовствующей императрицей. Иначе в мире будет неспокойно. На мой взгляд, она должна быть передана.....».

«А как же Цяо Хуэй?»

Хэ Чжао не стал дослушивать, а задал следующий вопрос.

Ведь у Цяо Хуэйя не было почетного статуса вдовствующей императрицы и сильной семьи.

У князя Нина не было угрызений совести, и он прямо сказал: «В конце концов, у него никогда не было официального титула, он всего лишь простолюдин, согласно преступлению обмана императора, казнить его будет нормально».

Стоя на коленях, Цяо Хуэй резко поднял голову, он заплакал и, проползая несколько шагов на коленях, мягко взмолился: «Ваше величество, я беременный вашим ребенком, даже если вы откажетесь от меня, вы не можете убить ребенка.....».

«Хорошо, я принял решение».

Хэ Чжао встал со своего места.

Он выглядел строгим, но не злым.

«Вдовствующая императрица Чжэн, в связи со смертью покойного императора, была

чрезмерно огорчена и попросила навсегда поселиться во дворце Чанлэ, никуда не выходя, и провести остаток жизни в молитвах и покаянии. Я чувствую искренность вдовствующей императрицы и воздвигну статую Будды во дворце Чанлэ, чтобы она полностью посвятила себя Будде».

Услышав такой расклад, вдовствующая императрица презрительно рассмеялась.

«Ха-ха-ха чрезмерное горе».

«Хорошо, как и полагается императору, вы действительно спасли свое лицо и лицо предыдущего императора».

Она уже вела себя немного безумно, но никто не обращал на нее внимания.

Затем Хэ Чжао посмотрел на Цяо Хуэя и сказал: «Цяо Хуэй совершил преступление, обманув императора, и должен быть обезглавлен по закону, его немедленно возьмут под стражу и уведут для допроса».

После этого Цяо Хуэй пришел в ужас, он, срывая голос и взмолился о пощаде.

Хэ Чжао, не желая больше видеть его, поднял руку: «Ташите его вниз».

Несколько стражников шагнули вперед и потащили Цяо Хуэя прочь, его голос стал тише и исчез.

Видя, что Хэ Чжао в плохом настроении, императорские дяди Хуан и Нин не решились оставаться здесь надолго и создавать проблемы, поэтому тоже поспешно встали, чтобы уйти.

Вскоре в зале остался только Хэ Чжао, он сидел на троне, перед двумя длинными яркими дворцовыми светильниками, в глубине его глаз прыгало пламя.

После этого Хэ Чжао поднес к лицу ароматический мешочек и нежно поцеловал его.

-

В первый день Нового года по лунному календарю в столице выпал сильный снег.

Изначально цветущий дворец Чанлэ в одночасье замер.

Цинсюэ переоделась в одежду дворцовой служанки, взяла с собой коробку с едой и толкнула дверь в опочивальню.

Вдовствующая императрица стояла на коленях перед статуей Будды, сцепив руки, и читала под нос священные писания.

«Вдовствующая императрица, уже время обеда», - напомнила Цинсюэ.

Вдовствующая императрица перестала читать сутру, открыла глаза и грубо сказала Цинсюэ: «Никаких манер, кто сказал тебе войти, убирайся!».

«Эта служанка поставила рис на стол, не забудьте поесть».

Цинсюэ все еще сохраняла последние остатки уважения к вдовствующей императрице, но, в конце концов, она уже не была так запугана, как в прошлом.

«Девчонка, неужели ты думаешь, что только потому, что я пала, ты можешь пренебрегать мной?»

Вдовствующая императрица подняла соединенные руки, поклоняясь Будде.

Цинсюэ сказала: «Эта служанка не пренебрегает вдовствующей императрицей, но в этом дворце Чанлэ остались только мы с вами. Тетушка Цюй Цзюй и несколько старших дворцовых служанок были осуждены и казнены за то, что были близки к вам. Очнитесь, вы уже не та вдовствующая императрица, какой были в прошлом».

Вдовствующая императрица подняла четки и с силой швырнула их в сторону Цинсюэ: «Убирайся!»

Цинсюэ была разбита, ее сердце сжалось от обиды, но она не осмеливалась вступить с ней в схватку, поэтому могла только отступить.

Тюрьма.

Цяо Хуэй примостился в углу камеры, обняв колени, и спал очень беспокойно, закрыв глаза.

Поэтому, как только он услышал, как стражники в унисон выкрикивают «Ваше Величество», он тут же проснулся.

Перед камерой стоял Хэ Чжао в золотых одеждах с драконом, его аура была великолепна, что было неуместно в этой мрачной и темной камере.

Увидев его, Цяо Хуэй тут же бросился вперед, ухватился за прутья решетки и закричал: «Ваше величество, я не виновен, пожалуйста, отпустите меня.....».

Хэ Чжао не тронулся с места, лишь холодно сказал: «Не притворяйся. Я проверил семью Цяо, тот кто раньше вошел во дворец, на самом деле твой младший брат Цяо Си, тебя я не трогал, от кого ты беременный? Сегодня я пришел, чтобы спросить тебя, почему вы с Цяо Си так похожи, вы не должны быть близнецами».

При этих словах вопли Цяо Хуэйя смолкли.

«Когда вы узнали, что я не Цяо Си, ваше величество?»,- пробормотал он.

В редкий момент терпения Хэ Чжао ответил: «С самого первого взгляда».

Цяо Хуэй мгновенно расширил глаза и долго смотрел на Хэ Чжао, прежде чем наконец отреагировал.

Он тут же разразился крайне истерическим смехом: «Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха! С первого взгляда!»

Словно безумец, он поднял палец и неприязненно посмотрел на Хэ Чжао.

«Ваше величество, вы с первого взгляда поняли, что я не Цяо Си, но почему же вы так долго разыгрывали со мной спектакль?»,- Цяо Хуэй улыбнулся про себя: «Понятно, вы специально внушили мне мысль, что я могу стать императрицей, чтобы я стал вашим мечом и помог вам избавиться от вдовствующей императрицы, так ведь?»

«Поэтому я могу предоставить твоему телу остаться целым»,- честно признался Хэ Чжао.

«Ха-ха-ха-ха-ха!!!»

Цяо Хуэй снова громко рассмеялся.

Он медленно поднял голову и впервые за столько дней посмотрел прямо на императора.

«Ваше Величество, не хотите ли вы узнать, почему я так похож на Цяо Си?»

Хэ Чжао нахмурился, в его сердце поднялось неприятное чувство.

Цяо Хуэй ехидно усмехнулся: «Потому что между мной и ним существует Двойной контракт. Мы делим жизнь, словно близнецы, живем и умираем вместе. Если вы убьете меня, Цяо Си придется похоронить вместе со мной!»

Хэ Чжао холодно фыркнул: «Ты сходишь с ума, потому что тебя собираются казнить? Ты

несешь полную чушь, неужели ты думаешь, что я поверю в твои бредни?»

«Ваше Величество, вы мне не верите?»,- Цяо Хуэй горячо улыбнулся: «Это не имеет значения, вы убьете меня, ах, если вы убьете меня, посмотрим, умрет ли Цяо Си, ха-ха-ха».

Рука Хэ Чжао, спрятанная в широком рукаве его халата, сжалась в кулак.

Уже давно никто не осмеливался вести себя так безрассудно в его присутствии, и он с большим трудом подавлял гнев в своем сердце.

Но Цяо Хуэй вскоре понял нерешительность Хэ Чжао и спросил резким голосом: «Ваше величество, вы ведь не посмеете меня убить? Может быть, вы действительно влюблены в Цяо Си? Те, кто являются правителями, не могут быть эмоциональными, иначе, если другие будут угрожать вам Цяо Си, готовы ли вы уступить свои земли и заплатить за это, и готовы ли вы пожертвовать своими вассалами ради него?»

Цяо Хуэй подумал, что он поймал Хэ Чжао, и без угрызений совести говорил крайне вызывающе.

Не выдержав, Хэ Чжао повернулся к тюремщику, его голос был настолько холодным, что почти ледяным: «Открой дверь».

Тюремщик немного замешкался, опасаясь, что безумие Цяо Хуэя повредит Его Величеству, но, встретив взгляд Хэ Чжао, задрожал от страха и поспешно открыл дверь, как ему было велено.

Хэ Чжао вошел в камеру.

В молодости Хэ Чжао занимался боевыми искусствами и носил с собой кинжал для защиты.

Он вытащил кинжал и схватил Цяо Хуэя за подбородок.

Кровь капала с его руки, когда кинжал двинулся вниз.

Язык был брошен на пол.

Цяо Хуэй корчился от боли.

Хэ Чжао вытер кровь с кинжала носовым платком и отвернулся.

Уезд Мэн Юнь.

Бредовый даос одной рукой ловил пульс Цяо Си, а другой поглаживал свою козлиную бородку.

Выражение его лица из спокойного превратилось в серьезное и нерешительное: «Хммм».

Цяо Си искренне забеспокоился и спросил: «Ну что, как мое тело?»

Это ведь не редкая болезнь?

Древний медицинский уровень знаний не высок, если это действительно серьезная болезнь, то это, по сути, безнадежно.

Даос убрал руку и помолчал мгновение, а затем сказал: «Никакой болезни нет, ты беременный».

«Что?!»

Голоса Цяо Си и Сун Шу прозвучали одновременно.

«Невозможно!», - Цяо Си подсознательно отрицал: «Я мужчина, как я могу забеременеть?».

Высказав это, Цяо Си взглянул на Сун Шу и понял, что его слова прозвучали глупо.

Он изменил свои слова: «Я имею в виду, что уже проверил, что я не мужчина с особым телосложением, поэтому я не должен быть в состоянии забеременеть».

Даос погладил бороду и сказал: «Так называемые мужчины с особым телосложением на самом деле являются потомками Древнего царства Южного Феникса».

«Древнего царства Южного Феникса?»

«Именно так». Даосский мастер кивнул: «Это страна, которая когда-то существовала в южных горах и лесах, это был почти рай, изолированный от внешнего мира, поэтому об этой стране сохранилось очень мало записей, и не так много людей знают о ней в современном мире».

«Все жители Страны Южного Феникса - мужчины, но у половины из них красные родинки на теле, красивые лица и способность зачинать наследников, как у женщин. Позже Царство Южного Феникса было уничтожено, выжило только небольшое количество. Они смешались с народом Центральных равнин, со временем разница почти исчезла».

«У потомков Южного Феникса и народа Центральных равнин были дети как мужского, так и женского пола. Но у некоторых мальчиков осталась способность к деторождению».

Сказав это, даосский мастер указал на Цяо Си и Сун Шу: «Ха, вы двое могли быть одной семьей тысячу лет назад».

Сун Шу впервые узнал о подобной легенде, и его глаза загорелись, когда он слушал.

Однако лицо Цяо Си рядом с ним было очень мрачным, он плотно сжал губы.

Поразмыслив некоторое время, Цяо Си все еще не хотел верить в это.

Он спросил: «Даосский мастер, вы могли ошибиться? Раньше я знал одного высококвалифицированного врача, который говорил, что знания о пульсе женщины, вынашивающей плод, не следует применять к мужскому телу, возможно,».

«Ошибки нет», - даос прервал Цяо Си.

«Бедный даос не мерил тебе пульс, его луч истинной ци проник в твои меридианы и ошутимо почувствовал, что в твоём теле есть еще одно биение, не принадлежащее тебе, исходящее из живота, должно быть, это сердцебиение зародыша».

«Но у меня нет ни одной родинки на теле», - настаивал Цяо Си.

Даосский мастер сказал: «Возможно, она там, где ты ее не видел, бедный даос никогда не ошибается».

Эти слова полностью развеяли сомнения Цяо Си.

Он тут же побелел и сел на табурет.

И тут даосский мастер понял, что тот не ожидал увидеть этого ребенка.

Верно, нужно время, чтобы смириться с тем, что ты можешь забеременеть!

Сун Шу тоже подошел и погладил Цяо Си по спине, успокаивая его: «Вначале это трудно принять, но постепенно все наладится».

Цяо Си смотрел в пустоту, не обращая внимания на прикосновения.

Он пощупал свой живот, он был плоским и пока ничего не чувствовалось.

Почему небеса сыграли с ним такую шутку?

Он уже решил больше не иметь ничего общего с Хэ Чжао, а теперь ему говорят, что у него будет ребенок от него?

Пока этот ребенок существует, он никогда не сможет полностью разорвать свои связи с Хэ Чжао.

Даже если он сможет притвориться, что у ребенка нет никаких связей с Хэ Чжао, и воспитывать его как своего собственного, что, если ребенок спросит про свою «маму»?

Если он оставит ребенка у себя, то тому придется столкнуться с разрушенной семьей. Возможно, окружающие даже скажут, что он остался без матери.

Для древних наследники были важны, и не имело значения, насколько грубо их воспитывали, лишь бы они дожили до рождения еще нескольких.

Но Цяо Си считал, что если он не сможет дать ребенку самое лучшее, то лучше его не заводить.

Если рассуждать эгоистично, то после рождения ребенка ему самому придется взять на себя дополнительную ответственность, от которой он не сможет отмахнуться: кормить его, одевать, давать ему образование, организовывать для него брак и помогать ему воспитывать ребенка. Всю оставшуюся жизнь, куда бы он ни отправился, ему придется нести ответственность за другого.

А что, если Хэ Чжао узнает о существовании этого ребенка?

Он был императором, и у него не было других детей, если бы он узнал, то обязательно попытался бы забрать ребенка.

Императорская семья не может признать, что он является «биологической матерью» сына императора, не будет ли он в это время тайно казнен?

Всего за несколько вдохов мысли уже перевернулись тысячу раз.

Цяо Си подумал и твердо сказал: «Я не могу родить этого ребенка».

Неожиданно он надолго замолчал и, придя к такому выводу, Сун Шу в страхе спросил: «Что ты

имеешь в виду?»

«Я хочу сделать аборт», - Цяо Си скрипнул зубами: «Этот ребенок - обуза, я не буду его рожать».

Сун Шу воскликнул тоненьким голоском: «Ты серьезно?»

Бредовый даосский мастер тоже был немного удивлен: «Аборт противоречит небесной гармонии, но лучше тебе самому принять решение по своим вопросам».

Цяо Си кивнул: «Раз уж я решил не заводить ребенка, то, пожалуйста, сделайте вид, что не знаете о сегодняшнем инциденте, притворитесь, что ребенок не появился, и никому об этом не говорите».

Сун Шу и даос согласились.

На следующий день.

После новости о беременности Цяо Си мало спал, и вчера он впервые не спал всю ночь.

Сун Шу готовил завтрак и увидел, как Цяо Си вышел, поприветствовал его.

Цяо Си рассеянно ответил ему и пошел помогать, говоря, что после еды намерен пойти в клинику и попросить рецепт на abortifacient лекарство.

Бредовый даосский мастер разбирался в искусстве врачевания, но утверждал, что не знает формулы abortifacient препарата, и велел Цяо Си найти другого врача, который выпишет рецепт.

Сун Шу - сам был беременный, и его сердце болело за ребенка, он сопел и уныло на него смотрел. Он сказал: «Я пойду с тобой, в таких делах лучше, чтобы кто-то был с тобой, чтобы было не так неудобно».

Цяо Си нахмурился: «Я не испытываю дискомфорта».

Да, ему совсем не было неудобно. Тот, кто сейчас находился у него в животе, даже не считался ребенком, это был всего лишь эмбрион, и он не испытывал к нему никаких чувств.

Сун Шу взглянул на его лицо, увидел синяки под глазами и больше ничего не сказал.

Поев и убедившись, что клиника уже открыта, они вдвоем вышли за дверь.

Сегодняшний врач, совершенно случайно, оказался тем же, что и вчерашний, и спросил Цяо Си: «Опять вы, что случилось?».

На этот раз Цяо Си не стал просить его померить пульс, а прямо сказал: «Господин, я хотел бы получить рецепт на abortивное лекарство».

«Хм?» Доктор открыл свои маленькие морщинистые глаза: «Вы мужчина, почему вы хотите попросить таблетку для аборта?»

Цяо Си не думал, что доктор будет задавать подробные вопросы, и небрежно ответил: «Женщина дома хочет использовать его».

Кто бы мог подумать, что доктор так и не даст рецепт: «Если она хочет использовать его, пусть придет и заберет сама».

Цяо Си и Сун Шу посмотрели друг на друга и попробовали еще раз: «В моем доме слишком много детей, я не могу их прокормить, а моя жена - очень стеснительная. Пожалуйста, будьте сговорчивы, господин».

Врач упрямо покачал головой: «Откуда мне знать, для чего вам это. Это лекарство не шутка, оно может навредить людям. Если ваша жена действительно не хочет ребенка, скажите ей, чтобы она сама пришла и забрала его. Кроме того, вы так молоды, сколько детей у вас может быть?»

Доктор заткнул все лазейки, и Цяо Си был втайне раздосадован.

Ему и Сун Шу ничего не оставалось, как покинуть клинику.

Идя обратно, Сун Шу утешил его: «Все в порядке, мы можем придумать другой способ, или поехать в другую клинику?»

«Спасибо, что утешил меня, я в порядке», - рассеянно ответил Цяо Си и вдруг один из магазинов, мимо которого они проходили привлек его внимание.

Это был магазин готовой одежды.

Цяо Си ненадолго задумался и зашел в магазин.

Сун Шу не понял, что он собирается делать, и последовал за ним.

«Хозяин, я хочу купить комплект женской одежды», - сказал Цяо Си.

Хозяин лавки поспешил представить его: «Кому господин собирается его подарить? У нас есть темные, подходящие для пожилой дамы. Есть также недавно появившийся пудрово-голубой цвет, который больше всего подходит для юной леди».

Цяо Си указал на себя: «Я надену его».

Продавец: «?»

Под недоуменным взглядом продавца Цяо Си выбрал светло-голубое платье и легкий шарф с вуалью и отправился во внутреннюю комнату магазина, чтобы переодеться.

Сун Шу остался у прилавка, чтобы оплатить счет, думая, что Цяо Си действительно решительно не хочет этого ребенка, а для того, чтобы попросить рецепт на аборт, даже переоделся в женщину.

Вскоре Цяо Си переоделся и вышел.

Он был стройным, не считая того, что был на голову выше обычной женщины, он совсем не выглядел странно в женской одежде. Шарф прикрывал лицо и кадык на горле, и на первый взгляд это было неразлично.

«Пойдем, вернемся в клинику».

Но стоило ему открыть рот, чтобы заговорить, как голос все равно выдал, что он мужчина.

На этот раз Сун Шу не решился войти внутрь, опасаясь, что врач его узнает, и остался ждать снаружи.

Цяо Си снова сел перед старым врачом и протянул руку, чтобы померили его пульс.

Врач пощупал пульс и сразу же сказал: «Девушка, ты ждешь ребенка!»

«Я не хочу этого ребенка, дайте мне рецепт на abortивное лекарство, большое спасибо».

Цяо Си напрягся и попытался произнести тоненьким голоском.

Врач вздохнул, откуда у милой девушки такой голос, а потом подумал, почему сегодня подряд приходят просить рецепты на аборт, может, опять увеличился налог?

В конце концов Цяо Си удалось получить рецепт. Он без колебаний отправился в аптеку за соответствующим лекарством, завернул его в пакет, понес в руках, чтобы отправиться домой.

Бредовый даосский мастер упражнялся в бою на мечах с деревянной палкой, когда он повернул голову и увидел Цяо Си в платье, он не узнал его: «Девушка вы к кому?».

Цяо Си раскрыл свой шарф: «Это я».

Даосский мастер удивился: «Ты действительно переоделся в женщину, чтобы посетить врача и получить рецепт?»

«Да, иначе врач мне бы его не выписал».

По какой-то причине Цяо Си был не в лучшем настроении и с угрюмым лицом пошел искать горшок для варки лекарства.

Затем Цяо Си холодно налил воды, добавил лекарство, зажег огонь и высыпал травы, действие потекло своим чередом.

Через час горький и черный лекарственный настой сварился и был поставлен на стол.

Цяо Си смотрел на миску с лекарством и видел свое лицо, отражающееся на поверхности.

Когда он выпьет это лекарство, малыш в его животе умрет.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14649/1300689>